

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МАКРОИСТОРИИ

СТАТЬЯ 2. ПАМЯТЬ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПРЕДПОСЫЛОЧНОЕ ЗНАНИЕ*

В статье продолжен анализ развития макроистории в 1990–2010 гг., начатый в № 50 журнала. Эволюция макроистории от союза с постколониальной критикой к неоимперскому и европоцентристскому дискурсу трактуется с точки зрения ограниченности возможностей бинарных моделей исторической памяти, конфликтных форм самоидентификации и последствий этой ограниченности. Показаны негативные особенности постколониальной критики и ранних форм глобальной истории, сближающие их с бинарными гештальтами всеобщей истории. Обозначены возможности, предоставляемые новыми формами разнонаправленной исторической памяти, универсальной самоидентификации, ситуативного предпосылочного знания, децентрированной макроистории для дальнейшего развития глобальной истории.

Ключевые слова: *глобальная история, историческая память, центрированная история, зависимое сознание, негативная идентичность, ресентимент, ментальные карты, гештальт, предпосылочное знание.*

В предыдущей статье был поставлен вопрос о причинах и характере эволюции современной макроистории и прежде всего глобальной истории, ее отступления от диалога с постколониальной критикой в сторону неоимперской идеологии. В первом приближении ответ на этот вопрос был связан с описанием циклов отношений социального истеблишмента и аутсайдеров и соответствующих изменений исторического сознания¹. Однако эту проблему можно проанализировать более глубоко, двигаясь от социальной психологии к когнитивной психологии и прежде всего к проблемам исторической памяти и идентификации. Это поможет глубже понять, чем еще обусловлены сдвиги в историческом сознании и каковы перспективы развития макроистории.

Историческая память

Человеческая память является важнейшим механизмом познания, в том числе исторического знания. Ведущий отечественный специалист по когнитологии В.М. Величковский отмечает, что запоминание тесно связано с *метакогнитивным кодированием* – оценкой личностно значимой, ценностно маркированной информации, осуществляемой правополушарной частью мозга, связанной также с созданием образов. Лишь во вторую очередь в дело вступают левополушарные механизмы, обеспечивающие

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13–06–00301а), а также в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Ионов 2015. С. 34–58.

семантическое оформление воспоминаний². Именно в метакогнитивной области пересекаются память и механизм принятия решений, так как система ценностей относится к метакогнитивным переменным³.

Запоминание и припоминание — сложные и противоречивые процессы, в которые вовлечены не только индивидуальные воспоминания, но и информационные ресурсы, которыми совместно пользуются люди. При этом воспроизводятся не события, а обобщенные, конвенциональные, символически репрезентированные образы, условные схемы, которые подвергаются реконструкции, корректировке и трансляции, приобретают устойчивость и со временем превращаются в шаблоны⁴. Эти процессы связаны, в частности, с формированием псевдовоспоминаний как результатов травм, с контрфактическим припоминанием, а также с установкой на подтверждение повторяемых заблуждений и предубеждений, в том числе мифов⁵. Вместе с тем они реализуют ключевую для человеческой жизни в обществе задачу формирования опыта, соотношения прошлого с настоящим и будущим⁶.

В предыдущей статье обращалось внимание на типологию человеческой природы, созданную голландским социологом К. Вутерсом, который выделял природные рефлекссы, социальные рефлекссы и способность рефлексировать по поводу их соотношения⁷. Продолжая его мысль, можно сказать, что историческая память — важнейший механизм образования социальных рефлекссов как «второй природы» человека и их закрепления в системе ценностей. А значит память — это еще и сфера обеспечения эффективности всего «процесса цивилизации» как *самоприручения* человека. Именно историческая память делает этот процесс управляемым. Но если природные рефлекссы связаны с *реальным* опытом биологического вида или индивида, то социальные рефлекссы и стереотипы можно создать и укрепить через активизацию левополушарного восприятия и вербальное научение в школе, через усвоение *сконструированного* исторического опыта, адаптированного к потребностям данного общества, соотношение которого с реальной историей — тема весьма спорная.

По Н. Элиасу, задача «процесса цивилизации» — рационализация и рост предсказуемости поведения человека путем выстраивания и закрепления системы шаблонов. Интериоризация шаблонов осуществляется в школе через запоминание примеров реального и ложного (но в обоих случаях общепринятого, социально значимого) опыта. В предельном случае результатом такого обучения может служить созданный Ж. Верном

² Величковский 2006. Т. 1. С. 400, 408-411.

³ Там же. Т. 2. С. 265.

⁴ Ретина 2006. С. 23-28, 35-37.

⁵ Величковский Т. 1. С. 419-420.

⁶ Шкуратов 1997. С. 435-436.

⁷ Wouters 2007. P. 21, 24-25, ³⁶, 186, 197-221.

пародийный образ ученика-аборигена австралийской колониальной школы Толине, который в ответ на вопрос Жака Паганеля: «Кому принадлежит Европа?», не задумываясь, отвечал: «Европа принадлежит, конечно, англичанам»⁸. Толине так учили, и эти знания помогали ему ориентироваться в его мире, были функциональными. Поэтому, начиная разговор об исторической памяти и ее роли в эволюции современной макроистории, надо обратить внимание на механизмы манипулирования памятью.

Существенную роль в управлении прошлым играет система формирования образов-гештальтов. По словам Э. Зерубавель, тут мы имеем дело с работой «мнемонических сообществ» и «социальным дизайном» (*social shape*) времени, которое приобретает различные формы: линейную или циркулярную, прямую и зигзагообразную, однолинейную и многолинейную; трактуется при помощи нарративных жанров: прогресса и упадка, повторяемости; обретает нарративную плотность: событийное – несобытийное время, преемственность и отсутствие преемственности; а также нарративную избирательность: появляются темпоральные возвышенности и плато. В терминах гештальт-психологии, так конструируются *фигура* и *фон* прошлого⁹. Фигура сосредоточивает на себе внимание и представляется цельной и понятной, фон выпадает из сферы внимания, распадается на элементы и затушевывается¹⁰. Главная познавательная проблема здесь – *недооценка фона*, в который часто попадает значительная часть мировой истории. В системе европоцентристской истории фон – это маргинальные предметы востоковедения и этнографии, повествующие об остановившихся в развитии или отсталых обществах, противопоставленные нормативному знанию об историческом мейнстриме, предлагаемому всеобщей историей.

Наиболее наглядно этот механизм проявляется в припоминании пространственных отношений, в соотношении центра и периферии (мира христианского православия или мусульманского правоверия – и мира язычников), а в европоцентристских моделях – Запада и Востока, мира цивилизации и мира варварства¹¹. *Воображаемая география*, маркирующая пространство при помощи ценностно нагруженных понятий, здесь дополняет *воображаемую историю*. Они создают простейшие дихотомические бинарные схемы, подобные модели сигнал–шум в кибернетике, которые структурируют восприятие припоминаемого материала. В результате их взаимодействия возникает нормативная, строго централизованная иерархическая схема, наполненная идеологизированным содержанием, которая доминирует в познавательном и образовательном процессе¹².

⁸ Верн 1955. С. 351-352.

⁹ Zerubavel 2004. P. 11-39. Особ. С. 27.

¹⁰ Величковский 2006. Т. 1. С. 55-56.

¹¹ Замятин 2009.

¹² Бьюзен Т., Бьюзен Б. 2010.

Эти представления о памяти, гештальте и бинарности стали привычными. Но ощущение их обыденности пропадает, если задуматься над тем, что для кратковременной памяти человека свойственно удерживание *гораздо более сложных* совокупностей объектов. Речь идет о «магическом числе» американского психолога Д.А. Миллера, который в 1965 г. определил, что человек способен одновременно запоминать 7 ± 2 единиц материала. Подобного рода богатые или хорошо расчлененные гештальты фигурируют в исторической памяти разных эпох, если речь идет о семи чудесах света, «семи климатах», количестве мировых религий, высоких культур, периодизации мировой истории (и даже в марксистской пятичленке). Однако, как правило, сознание и особенно механизм припоминания ориентируются не на этот максимум, а на простейшие, бедные по содержанию бинарные модели, которые выглядят при этом универсальными и логичными¹³.

Последовательная критика бинаризма постмодернистами, разоблачавшими роль бинарной оппозиции как «силовой иерархии» (Ж. Деррида), и синергетически или религиозно ориентированными *тринитаристами* (Г.С. Померанц, Р.Г. Баранцев), считающими, что многомерную систему нельзя описать как сумму бинарных оппозиций, не привела к уменьшению роли бинаризма в организации исторического знания¹⁴. В новой теоретической книге по методам археологии бинарные оппозиции все еще играют центральную роль, хоть и совмещаются с тернарными и межуровневыми схемами¹⁵. Между тем знания такого рода – не более чем *экспликация модели*, не рациональный анализ, а род рационализаций во фрейдистском смысле. Бинарные оппозиции выступают как упрощенные версии предпосылочного знания, определяющего когнитивные стратегии исследователей¹⁶.

Присутствие бинарных оппозиций в структуре исторической памяти не только иерархизирует схему истории, придает ей черты «власти-знания», но провоцирует упрощенные, инверсионные способы решения проблем содержания этой памяти. М. Фуко отмечал, что сопротивление «власти-знанию» связано с созданием «контр-памяти»¹⁷. Ж. Деррида прямо заявлял, что «деконструировать оппозицию – значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию». И хотя потом он оговаривался об опасности задержки в результате инверсии «на почве и в пределах деконструированной системы»¹⁸ (т.е. бинарной оппозиции другого рода), его увлекала скорее перспектива манипуляций *между* ее

¹³ Величковский 2006. Т. 1. С. 360.

¹⁴ Деррида 2007. С. 50; Баранцев 2005. С. 6.

¹⁵ Холюшкин, Витяев, Костин 2013. С. 14-16.

¹⁶ Ионов 2007b. С. 93-100.

¹⁷ Цит. по: Васильев 2008. С. 33.

¹⁸ Деррида. 2007 С. 50.

членами, а не размывания фона или усложнения гештальта как целого. Да и используемые им схемы были зачатую бинарными¹⁹.

С чем связана такая устойчивость бинарных оппозиций и инверсий, одну из которых мы наблюдаем в развитии макроистории? Дело не только в том, что история (а значит и память), как указывал Л. Февр, избирательна: «Как только документы накапливаются в избыточном количестве, исследователь начинает сокращать и упрощать, подчеркивать одно и сглаживать другое»²⁰. Бедный бинарный гештальт – это крайняя, высушенная до элементарной логической связки форма такого упрощения. Дело даже не только в том, что макроистория ближе всего по природе и функциям к священной истории, тесно связанной с обрядовой практикой и в течение тысячелетий составлявшей незабываемое ядро культурной памяти, объяснявшей разницу между правоверными, которым надо доверять, и язычниками, которых надо покорять и истреблять. В конце концов, по признанию автора этого термина Я. Ассманна, культурная память как коннективная структура древности принципиально отличается уже от античной, а тем более от современной «агонистической интертекстуальности», позволяющей воспринимать воспоминания о прошлом как «диссонирующее многоголосие (диафонию)»²¹.

Конструирование идентичности

Проблема лежит глубже, в зависимости личности от собственных воспоминаний, которые позволяют ей идентифицировать себя как такую. Американский психолог А. Маслоу отмечал «сопротивление познанию», которое становится все сильнее по мере приближения темы к личностному ядру познающего, его самооценке²². При этом в формирование идентичности вплетены не только позитивные, но и негативные знания. Автор теории идентичности психолог Э. Эриксон первым показал, что потребность человека в позитивной идентичности часто реализуется «через негативные образы... живет за счет унижения других»²³. Ю. Кристева анализировала такие образы как проявления *отвратительного*, непреходимую границу, позволяющую стабилизировать наше Сверх-Я, самождественность, социальную идентификацию²⁴.

Собственная *фигура* представителя доминирующей группы, определяющей свой образ самостоятельно, конструируется путем вытеснения других, не похожих людей (аутсайдеров, подчиненных, темнокожих) – в *фон*. Память о действиях людей своего круга и аутсайдеров конструируются при помощи разных стратегий припоминания, которые

¹⁹ Там же. С. 80.

²⁰ Цит. по: *Копосов* 2001. С. 279 (сн. 188).

²¹ *Ассманн* 2004. С. 309.

²² *Копосов* 2001. С. 295; см. также: *Ионов* 2007а.

²³ *Эриксон* 1996. С. 313.

²⁴ *Кристева* 2003. С. 37.

изучили в 1965 г. социологи Н. Элиас и Д. Скотсон. Если собственный образ создавался на основе подборки воспоминаний о лучших поступках лучших из близких людей, то обобщенный образ аутсайдера – на основе припоминания худших поступков худших из представителей аутсайдеров. По мнению исследователей, таким же образом формировались образы разных классов, этнических групп, полов, колонизаторов и колонизируемых, родителей и детей. Это порождает травму у аутсайдеров, зависимое самосознание которых пытается примирить собственный образ с негативной оценкой истеблишмента²⁵.

Деление на истеблишмент и аутсайдеров позволяет ориентироваться в обществе и истории, определяет пути их познания. По мнению основателя постколониальной критики Э.В. Саида, это «способ овладения реальностью, языком и мышлением». Позитивный образ белого колонизатора формировался за счет негативного образа колонизируемого. Эта бинарная оппозиция означала, что в колониях нужно «говорить определенным образом, вести себя в соответствии с определенным кодексом поведения, и даже чувствовать одно и не чувствовать другое»²⁶. Определяя соотношение фигуры и фона, верхов и низов, бинарная оппозиция указывала *направление причинно-следственных связей*, практик «поведения, обучения и обладания». Белый европеец – это *субъект* истории, а цветной азиат – ее *объект*, он по определению должен подчиняться, так как неспособен к самоуправлению. К тому же только европеец мог определить, какие народы принадлежат «Востоку», и только белый – кто должен называться «цветным». Человек Востока всегда – объект изучения для человека Запада «и никогда наоборот»²⁷.

Подчеркну еще раз: тем самым в рамках предпосылочного знания об истории устанавливается нормативная версия причинно-следственных отношений. Современный Запад – всегда причина, Восток – всегда следствие. Поэтому истоки процесса модернизации надо искать на Западе, в особенностях тамошнего общества, государства и культуры, а никак не на Востоке. Их взаимовлияния исключены не потому, что невозможны (они типичны для древности), а потому что не укладываются в схему, подлежат забвению. Трансляция нормативной памяти такого рода осуществляется всегда в одном направлении – от истеблишмента к аутсайдерам. Существует своего рода монополия на историческую память и ее трансферы. Опыт аутсайдеров воспринимается критически и отстраненно, он может встраиваться в структуру знания истеблишмента, но не влияет на формирование шаблонов его поведения, в то время как опыт поведения истеблишмента должен безоговорочно восприниматься аутсайдерами.

²⁵ *Elias, Scotson* 1994. P. VII, XVI, XIX.

²⁶ *Said* 2006. С. 350.

²⁷ Там же. С. 351-353.

Такой род исторической памяти можно назвать *центрированным и одновекторным*. Он представляет собой пережиток колониализма и европоцентризма, а его деконструкция важна для современного исторического знания. М. Ротберг пишет о появлении в транснациональный век *децентрированной многовекторной исторической памяти*, создающей необычайные сближения (*conjunctions*) и позволяющей конструировать сложнейшие гештальты припоминания. В результате одновекторная *соревновательная память*, в рамках которой поиск правды о прошлом рассматривается как игра с нулевой суммой (все достается победителю), замещается припоминанием в форме *динамических трансферов* между разными временами и странами. Например, полезно вспоминать о Холокосте не как об уникальном явлении, а сквозь призму постколониальной критики, сквозь опыт Атлантической работорговли и французской колонизации Алжира²⁸. Именно эта разнонаправленность в книге Ротберга придает опыту Холокоста универсальное значение.

Но движение от нормативной однонаправленной к разнонаправленной исторической памяти крайне затруднено. Ведь его предпосылкой является формирование *плюральных* самоидентификаций. Но даже когда возникают промежуточные расовые группы (мулаты, метисы) и промежуточные образовательные группы (колониальная интеллигенция), а затем – в многорасовых и мультикультурных обществах глобального мира – проблемы бинарных оппозиций и нормативной самоидентификации не снимаются, а скорее усложняются. Самоидентификация и историческая память истеблишмента и аутсайдеров остаются разделенными, даже когда их носителем выступает *один и тот же* человек. Подробнее всех эту ситуацию описал предтеча постколониальной критики Ф. Фанон в книге «Черные лица, белые маски» (1952)²⁹.

Например, зависимое сознание чернокожих американцев, как показал еще в 1903 г. американский панафриканист У. Дюбуа (Дюбойс), приобрело двойной характер: с одной стороны, афроамериканцы пытались идентифицировать себя с ценностями истеблишмента и его историей (как граждане США), а с другой — с нравами и историей своей общины (по расовому признаку). Часто они ощущали историческое сознание гражданина США как инородное тело, которое германо-американский психолог Ф. Перлз называл *интроектом*. Как показывают исследования психологов, гетерогенная идентичность – предпосылка невроза, а то и раздвоения личности у самых благополучных слоев афроамериканцев³⁰, до сих пор она вызывает протест и чревата *эксплозией* – взрывным разрушением двойного сознания.

²⁸ Rothberg 2009. P. 8-11.

²⁹ Fanon 2008. P. 3, 8, 119-120; Ионов. 2014. С. 124-126, 129.

³⁰ Lyubansky, Eidelson 2005. P. 22.

В этих условиях диалог групповых исторических памятей в сознании и представителя истеблишмента, и аутайдера, т.е. размывание границ между фигурой и фоном, крайне затруднены. Отношение к идентичности и исторической памяти приобретает резко эмоциональный характер. Актуализируется воображение, создающее фантастические варианты самоидентификации, а поведение становится иррациональным, вызывающим и часто саморазрушительным. О таких проявлениях кризиса самосознания аутсайдеров писали еще в XIX в. французский философ Ж. де Готье, придумавший популярный термин «боваризм», а в XX в. – Н. Элиас³¹.

Но ярче всех это явление охарактеризовал Э. Эриксон. Он описал поведение человека, выделенного в фон исторического образа, как метания узника, которого отделяет от остального мира стеклянная стена. Поняв, что за стеной его не слышат, он сначала пытается говорить громче, кричит, потом выходит из себя и начинает бросаться на стену, а прорвавшись наружу ценой страшных увечий, сталкивается с людьми, которые сначала потешались над ним, а потом до смерти испугались и сплотились в безжалостную агрессивную толпу, озабоченную только самосохранением. В этих условиях аутсайдер часто противопоставляет своей отрицаемой и подавляемой идентичности, созданной по господствующему образцу — *негативную идентичность*, аккумулирующую все плохое, что о нем говорит эта враждебная толпа³².

Происходит, по словам Э. Эриксона, «негативная конверсия» или «тоталистская перегруппировка образов», в результате которой позитивная идентификация отбрасывается как бесперспективная, не позволяющая достичь цельности личности, а элементы негативной идентичности становятся «полностью господствующими». Эриксон, выросший в Веймарской Германии, приводит как пример немецкую молодежь, которая после Версальского мира в ответ на презрительное отношение победителей (реальное или воображаемое) отказалась и от немецкого идеала культуры, и от западного идеала цивилизации, сочтя единственно возможным и реалистичным «полное неприятие всего иностранного» и «псевдологическое извращение истории», предлагавшееся нацистами. Эриксон охарактеризовал это состояние исторического сознания так: они «лгут, будучи по крайней мере временно убеждены, что говорят правду»³³.

Побег в негативную идентичность опирается на «рационализации, поддерживающие любой звучный самообман». Идентичность, которая обычно значима для подростков, становится важной для взрослых и общества в целом, поддерживается силами идеологии и государства. Соответственно, поведение государства приобретает подростковые черты. Появляется «деструктивная сверхидентификация», порождающая «вне-

³¹ См. Ионов 2013. С. 141.

³² Эриксон 1996. С. 309-310.

³³ Там же. С. 326, 312.

запное единодушие». Она связана с вызовом, бросаемым остальному миру, с отрицанием общепризнанных ценностей и стремлением завоевать негативную репутацию. Сверхцелью становится «вызывающее бесстыдство перед лицом критики», цинизм, непоколебимость перед обвинениями, демонстрация неподсудности мировому истеблишменту³⁴.

Но даже если у аутсайдеров появляется стремление перейти к *позитивной идентичности*, эта ситуация плохо подходит для стирания границы между фигурой и фоном, для диалога. Она может породить то состояние памяти и сознания, которое Ф. Ницше определил как *ресентимент* (фр. – *злопамятность, злоба*), этически мотивированный агрессивный изоляционизм. Согласно трактовке философа, это мировоззрение рабов, противопоставляющее их как единственно благочестивых людей – разврату людей благородных. Вместо диалога мы имеем тут, по его мнению, «радикальнейшее из всех объявлений войны». Ресентимент – основание для строгой нормативной интерпретации прошлого, «он беспощадно налегает на все времена, народы, людей... он не допускает никакого другого толкования... он бракует, отрицает, утверждает, подтверждает исключительно в смысле *своей* интерпретации... Где *противоупор* к этой замкнутой системе воли, цели и интерпретации? Отчего *отсутствует* противоупор?»³⁵. По сути дела, ресентимент в своем отрицании диалога не слишком отличается от негативной идентичности.

Структура представлений ресентимента близка описанной американскими психологами М. Любанским и Р. Эйдельсоном ксенофобской, эксклюзивистской мифологии афроамериканцев, которая выделяет их расовое сообщество при помощи противопоставления сообществу белых американцев, причем позитивный образ афроамериканцев конструируется при помощи представлений об их избранности, высшем предназначении и моральном превосходстве (но также об их ранимости и беспомощности), а резко негативный образ белого населения – при помощи представлений о его испорченности, безнравственности и низости. При этом отстраненность от национального самосознания порождает у афроамериканцев агрессивность, а сближение с последним – невротические симптомы³⁶.

Соблазн простых решений–1: постколониальная критика

Для того, чтобы диалог макроистории и постколониальной критики оказался устойчивым, необходимы формирование разнонаправленной исторической памяти, деконструкция бедных гештальтов, познавательный интерес не только к фигуре, но и фону, постепенное включение фона в состав фигуры и обогащение гештальта. Однако это требует активности от представителей как истеблишмента, так и аутсайдеров.

³⁴ Там же. С. 88, 145, 182, 185, 192, 268, 271.

³⁵ Ницше 1990. С. 422, 425, 513.

³⁶ Lyubansky, Eidelson 2005. P. 5–7, 22.

Фактически же истеблишмент готов к подобным трансформациям исторической памяти лишь в периоды информализации, когда его атакуют вновь возникающие в колониальном и развивающемся мире национальные элиты, а также новые элиты развитых стран.

В 1890-е гг. круг цивилизованных стран, в который входили прежде всего великие европейские державы Англия и Франция, а затем Германия и Австро-Венгрия (а также, с оговорками, Италия, Испания, Россия), потерял нормативные границы и стал расширяться, актуализировалось возникшее еще у романтиков представление о локальных цивилизациях Азии. Индия, Китай, а затем и Япония стали предлагать свои проекты мироустройства³⁷. В 1920-е гг. ключевую роль в обогащении гештальтов исторической памяти играли идеи О. Шпенглера о множественности научных (математических) моделей мира, Ф. Боаса о взаимном обмене достижениями и трансформации элементов культур, К. Маннхейма о реляционизме – идеологической нагруженности социологических и исторических представлений.

В 1960–1970-е гг. приобретает огромное влияние системный подход, происходят антропологический, лингвистический и культурный повороты, деконструировавшие пространственные и временные нормативные модели предпосылочного знания и, тем самым, создавшие условия для преодоления бинаризма, возникновения постколониальной критики, деконструкции европоцентризма³⁸. Развитие системного подхода в 1960-е гг. связано с критикой применимости причинно-следственных отношений к сложным системам и переориентацией на циркулярные отношения (обратная связь). Акцент на причинно-следственных связях начинает рассматриваться группой Пало-Альто как типичная логическая ошибка. Возникает интерес к проблемам патологической коммуникации и забывания³⁹. Преодолению одновекторной памяти служили актуализация представлений о роли сложных мультикультурных сообществ в процессе модернизации у Э. Вульфа и принципиальная критика нормативного предпосылочного знания и линейных векторных представлений о трансфере у М. Вернера и Б. Циммерманн⁴⁰.

Однако проблема состояла в том, что к 1960-м гг. постколониальная критика объединяла постмодернизм, прокладывавший дорогу к диалогу – и боевой антиколониализм, сформировавшийся в условиях кризиса идентичности, опиравшийся на стратегию ressentiment (афроцентризм) и настаивавший на полном разрушении зависимого сознания, срывании «белых масок» и возвышении роли «третьего мира». Для Фанона (как и для Фуко) борьба с властью глобального истеблишмента –

³⁷ Ионов. 2007б. С. 285-297.

³⁸ Wouters 2007. P. 167–170, 174–175, 187; Ионов 2015. С. 47-51.

³⁹ Вацлавик, Бивин, Джексон 2000. С. 23-24, 74-75, 93.

⁴⁰ Вернер, Циммерманн 2007.

не фикция, не игра, а реальная жизненная цель, способ преодолеть самоотчуждение⁴¹. Их подростковые проблемы, на которые указывал Эриксон, еще не решены⁴². Поэтому они приходят к почти позитивистскому, субстанционалистскому утверждению *новой* самоидентификации, приемлемой персонально для них. Идентификация колонизаторов, европейцев, людей Запада их вообще не интересует. В этом смысле они *воспроизводили* идею власти-знания и связанные с ней бинарные модели, но в измененной форме⁴³.

В постколониальной критике это проявилось уже с 1963 г., когда египетский социолог и философ А. Абдель-Малик, на работы которого опирался Э.В. Саид, первым поставил проблему ориентализма в связь с конститутивной ролью образа Востока в интерпретации всеобщей истории. Восток – это «негативный полюс» истории, связанный с принципиальным отрицанием активности, автономности, суверенности. Восточный субъект изначально рассматривался в ее рамках как зависимый – постулируемый, понимаемый, определяемый другими. Абдель-Малик первым описал манипулятивные стратегии историзации и деисторизации Востока (отсылка к началу истории и постулирование его неизменности), критиковал попытки приписать восточному человеку «неотчуждаемую и не эволюционирующую сущность», сближал востоковедение и этнографию на ориенталистской основе как течения, смыкающиеся с идеологией расизма⁴⁴. Ядром проекта Абдель-Малика было возвращение человеку Востока права на самоидентификацию. И поэтому протест против бинаризма не разрешился его преодолением. Попытка выстроить позитивный образ восточной идентичности сразу же привела к *инверсии* принципов европоцентризма, выявила приверженность Абдель-Малика к традиции власти-знания и была связана с попыткой *нового центрирования* образов исторической памяти, духовного и исторического доминирования Востока над Западом. Будущий Египет мыслитель видел отстроеным в стилистике пирамид, на величественных фундаментах власти древних богов и фараонов. Абдель-Малик пытался инверсивно представить всю культуру Запада как *фон* для своей картины исторической памяти, как «прошлое бытие», экзотический объект для исторического музея⁴⁵.

Уже в 1970-е гг. мексиканский философ Л. Сеа обвинял Абдель-Малика в попытке воспроизвести проект европоцентризма, опираясь на жизненность и активность египетской, персидской, индийской, китайской культур, и выстраивая тем самым новое неравенство среди наро-

⁴¹ Ионов 1996. С. 60-80.

⁴² Эриксон 1996. С. 51, 326.

⁴³ Как показывает опыт России, подобная ситуация чревата кризисом исторического сознания, затяжными маятниковыми переполюсовками самоидентификации и идеологическими крайностями. См.: Ионов 1994. С. 89-92, 94-95.

⁴⁴ *Abdel Malek* 1963. P. 107-108.

⁴⁵ Там же. P. 110-112.

дов. Подобная стратегия конструирования исторической памяти, по мнению Сеа, – своего рода эскапизм и новая форма отчуждения, проявление зависимого сознания и *боваризма* – извращенной самоидентификации, построенной по образцу культурного идеала (в данном случае могущественного Запада), но парадоксальным образом не ассимилировавшей опыт Запада⁴⁶.

Крайним вариантом таких инверсий европоцентризма являются попытки выстроить собственную, реифицированную и эссенциалистскую версию всеобщей истории, альтернативную существующей. Такого рода учения часто опираются на resentment и гегемонистские формы сознания, такие как метафизика или теология, и балансируют на границе негативной идентичности.

В рамках философии (или теологии) освобождения аргентинский философ Э. Дуссель в 1960–1970-е гг. создал образ мировой истории «снизу», с позиции Иного как эксплуатируемого субъекта, лишённого справедливого отношения, а также права на высказывание протеста. При этом ключевой задачей оказывается *позитивная идентификация* образа этого Иного, его соотнесение с идеями власти, собственности и культуры. Философ стремился найти алогичность, иррациональность, «разрывы» в европоцентристской и прогрессистской истории человечества с тем, чтобы выстроить новую центрированную версию мировой истории. Он рассматривает себя как конструктивиста, стремится построить историю постколониального мира, основанную на идее «осуществимой утопии». Эта утопия реализована в маргиналах, не находящих себе места в мире капитализма (*ouk-tópos*) – индейцах, безработных, молодежи, женщинах, гомосексуалистах как провозвестниках мира трансмодерного будущего. Они противостоят частным тотальностям (монополиям, мужчинам-мачо, учительству, воспроизводящим традиционные взгляды) и господствующей капиталистической Тотальности в целом⁴⁷.

Дуссель был ориентирован на диалог с философами Запада. Вокруг этого проекта была проведена дискуссия, в ходе которой немецкий философ К.-О. Апель прямо называл теорию анахроничной. Он поставил под сомнение тезисы Дусселя о том, что влияние Запада может быть только негативным и интересы большинства населения Земли не могут быть представлены в коммуникативном сообществе. Апель утверждал, что предлагаемая им этика дискурса предполагает добровольное представление интересов *всех затронутых лиц*, в том числе не являющихся участниками коммуникативного сообщества (что соответствует роли западных участников постколониальных исследований в формировании современного образа незападного мира). Наиболее важными из замечаний Апеля и П. Рикера были попытки развернуть разговор в русло сравнительной про-

⁴⁶ Сеа 1984. С. 33-38.

⁴⁷ Dussel 1996. P. 4, 7-9, 13, 20-36, 113-119, 163.

блематики, которую Дуссель торпедировал, введя представления о мире, радикальным образом разделенном на противоположности – богатый Север и бедный Юг, хотя бедность (например, в XIX в.), как отмечалось его оппонентами, – это далеко не особенность Юга⁴⁸.

Надо подчеркнуть, что все постколониальные авторы так или иначе ориентированы на диалог с Западом, стремятся деконструировать не только ориенталистские, но и собственные предпосылочные представления. Но их идентификационная задача не решена. Как признает Д. Чакрабарти, до сих пор голос неевропейских историков – это голос субалтерна, для которого Запад обладает свойством гиперреальности. «Европа была и остается референтом по умолчанию любых исторических знаний, что выявляется очень обычным способом... Историки третьего мира ощущают необходимость ссылаться на работы по европейской истории, а европейские историки не чувствуют никакой ответной необходимости... “Они” производят свою работу при относительном игнорировании западных историй, и это, кажется, не влияет на качество их работы... Однако, “мы” не можем позволить себе подобного поведения в ответ, не принимая риск показаться “старомодными” или “устарелыми”»⁴⁹.

В рамках этой парадигмы даже деконструктивистские высказывания Саида, сыгравшего немалую роль в формировании рефлексивной, связанной, переплетенной, децентрированной истории⁵⁰, воспринимались как антизападные по преимуществу. Между тем, выделяя в воображаемых географии и истории конструктивистскую составляющую, он не пытался представить их как чистые фантазии и акцентировал внимание на том, что они «являются причудливой комбинацией эмпирического и имажинативного»⁵¹. Дело в том, что Саиду были вообще не свойственны бинарные схемы, а потому было не важным четко разделять фигуру (в данном случае воображаемое) и фон (в данном случае эмпирическое). Эта бинарная схема принадлежала не столько его описанию, сколько восприятию его критиков.

Идентичность, как и ментальность, воспринимались Саидом, прежде всего, как процессы, а не как некие сущности, а их трактовка не рассматривалась вне конфликта интерпретаций. Как правило, при анализе явлений культуры им создавался богатый гештальт, основанный на фасеточной оптике, который просто не помещался в бинарное предпосылочное знание европоцентристов и антиколониальных деятелей, для которых инвариантом была борьба «неподвижных идентичностей... в рамках некоей вечной оппозиции»⁵². Однако были и исключения: в стремлении

⁴⁸ *Ibid.* P. 165-166, 168-170, 179, 201, 205-206, 209-210, 212.

⁴⁹ Chakrabarty 2000. P. 55.

⁵⁰ См. Caud 2012.

⁵¹ Caud 2006. С. 512.

⁵² Там же. С. 513-514, 519.

дать голос поработанному субалтерну, прежде всего терпящему поражение арабу-палестинцу, идентичность которого утрачена, Саид произвольно выводил его вместе с его мусульманской верой в центр дискурса, оттесняя Запад и его ориенталистские стратегии на периферию. Так возрождались субстанционализм и одновекторная историческая память с ее монополией на истинное знание о прошлом своего народа. Поэтому его позиция часто воспринималась не как мультикультуралистская и критическая, а как идеологическая и антизападная⁵³.

Соблазн простых решений–2: глобальная история

У истоков глобальной истории мы находим движение, стремившееся объяснить проблемы колониальных и постколониальных стран в противостоянии с теорией модернизации, с точки зрения негативного причинно-следственного воздействия Запада. Речь идет о разрабатываемой с конца 1940-х гг. при участии аргентинского экономиста и видного функционера ООН Р. Пребиша, а также Ф. Кардозо, Т. дос Сантоса, *теории зависимого развития* глобальной периферии. Важное место в ней заняло положение о дивергентном, разнонаправленном (прогрессивном и регрессивном) развитии эксплуататора – глобального центра и эксплуатируемой глобальной периферии. Поэтому монизм и детерминизм как позитивистские представления продолжали определять содержание этой теории. В рамках классического знания критика бинарной модели «модернизация – традиционализм» могла ограничиться лишь инверсией, переполусовкой ряда утверждений.

Теория зависимого развития вошла в миросистемную теорию, заложившую основы глобальной истории. Хотя та опиралась на системный подход, но большую роль в ней играл позитивистский анализ причинно-следственных, а не циркулярных связей. В этом она сближалась с другими ранними вариантами глобальной истории, например, с экологической историей Дж. Даймонда. В ее центре – идея о сущности капиталистической миросистемы как инструмента эксплуатации⁵⁴. При этом все в большей мере игнорировалась возможность догоняющего развития, реализованная сначала в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а затем в Южной Америке и Южной Африке.

В этих условиях образ современной миросистемы постепенно нагружался негативными коннотациями и вытеснялся в *фон*. Создатель миросистемной теории И. Валлерстайн не рассматривал мировую торговлю в связи с капиталистическим рынком, создающим основы для догоняющего развития. Он подчеркивал, что еще Ф. Бродель «не считал свободный рынок признаком капитализма и даже, наоборот, настаивал на том, что капитализм — это “антирынок”». Миросистемный подход

⁵³ Там же. С. 518-519, 521.

⁵⁴ Manning 2003. P. 307; Ионов 2003. С. 18-29.

провозглашал, что «одни страны сильнее других экономически (это ядро) и, будучи сильнее, имеют возможность торговать на таких условиях, чтобы добавочная стоимость доставалась им, а не периферии, то есть слабым странам»⁵⁵. Крупнейший представитель этой школы А.Г. Франк назвал данный тип эволюции «развитием недоразвитости». В его трактовке эта тенденция не имеет отношения к сущности тех или иных культур (Востока и Запада). «Недоразвитие рассматривалось не как начальная стадия, ответственность за которую несли сами страны, а как результат работы принципа исторического капитализма». В этом контексте торговля ядра, полупериферии и периферии миросистемы рассматривалась не как функция рынка, а как реализация монопольного положения стран ядра в мире⁵⁶. Центрированность этой модели очевидна. И, как ее следствие, активность полупериферии и особенно периферии недооценивалась.

Это создало условие для разрастания двух противоречащих друг другу смысловых слоев. Для теории зависимого развития и миросистемного анализа было в высшей мере свойственно то самое противоречие, которое историограф глобальной истории Д. Заксенмайер отмечал у антиколониалистских и националистических движений и теорий: они тоже были эмоционально окрашены и сочетали антиколониалистский (децентрализирующий) пафос («центрофобию») и европоцентристские по происхождению идеалы холизма, монизма, детерминизма, а также почти исключительное внимание к активности центра («центрофилию») ⁵⁷.

Возникший на основе теории зависимого развития и антиколониального ресентимента миросистемный подход, как и постколониальная критика, оказался под воздействием эмоциональной волны, затруднявшей выстраивание его методологии и особенно эпистемологии (мировоззренческих оснований) как логичных, внутренне непротиворечивых. Среди его когнитивных противоречий – пространственный инклюдизм (стремление прорвать границы европоцентристской всеобщей истории) и методологический эксклюзивизм (экономцентризм Валлерстайна, Вульфа, Франка). При этом по мере расширения временного поля исследования от Валлерстайна к Франку этот эксклюзивизм не преодолевался, а все более нарастал. Постоянно воспроизводилось противоречие между эксплицитным акционализмом и корневым, неустрашимым имплицитным структурализмом концепции, который зачастую не обсуждался.

Наиболее ярко ориентация на создание новой центрированной причинно-следственной модели наблюдалась в труде Франка «РеОриент. Глобальная экономика Азиатского века» (1998), едва ли не наиболее ярком манифесте этого направления. Азиатский век (XIV–XVIII вв.) высту-

⁵⁵ Валлерстайн 2006. С. 66, 77.

⁵⁶ Там же. С. 67.

⁵⁷ Sachsenmaier 2011. P. 43, 48.

пает у Франка как особый предмет исследования, альтернативный всеобщей истории (Запада), в которую он принципиально не укладывается. Метод его изучения представляет, по мнению социолога, альтернативу господствующей в историографии социальной истории, сохранившей связь со всеобщей историей. Холизм был его главной ценностью. Поэтому Мир-Система (именно в таком написании) для него одна. Франк подчеркивает, что «какими бы “универсалистскими” не были претензии, ни одна из этих социальных теорий не является действительно глобальной и холистской», так как они основаны на ценностях западного общества⁵⁸.

Однако, борясь со старой централизованной моделью истории, Франк выстраивает новую нормативную централизованную модель, претендующую на роль предпосылочного знания. Только центром в данном случае является не Запад, а Восток. Именно он становится *фигурой*. Запад вытесняется в *фон*. С 1462 г. начался, по мнению Франка, очередной подъем экономики Востока, а ее спад пришелся только на начало XVIII в. Весь этот период определяется экономическим развитием, территориальной экспансией и торговой активностью экономик стран Азии. Европейцы в ходе своей глобальной экспансии XVI–XVIII вв. не создали, как принято думать, новый мир, а скорее стали *паразитировать* на богатом мире Востока, построив свою собственную, существующую донныне экономическую систему на его прочном научном, технологическом, торговом и финансовом фундаменте. Они действовали, скорее, как инструмент, а не как инициатор глобального прогресса.

Центром Азиатского и всего обитаемого мира до начала XIX в. оставались, по Франку, Китай как основной производитель знаний и технологий, и Индия. Именно они имели наибольший положительный баланс в мировой торговле. «Во всех отношениях азиатские экономики были более развитыми, – утверждает Франк, – и такие империи, как Китай эпох Мин и Цинь, Индия под властью Моголов, и даже Персия эпохи Сефевидов и Османская Турция имели гораздо больший политический или даже военный вес, чем любая страна Европы или все они, вместе взятые»⁵⁹. Франк подчеркивает, что факты использования Китаем пороха в военных целях (огнеметы, ракеты, в т.ч. двухступенчатые, а также пушки) восходят ко времени, когда в Европе он еще не применялся (до рубежа XIV в.). Даже Россия, стоявшая экономически на уровне Османской и Персидской империй, занимала тогда более почетное место в мировой торговле, чем Запад, обеспечивая себе за счет продажи мехов, зерна, леса и пеньки положительное торговое сальдо. Стратегически важным в этом смысле было стремление России со времен Ивана Грозного включить в свои границы Великий шелковый путь, а значит контролировать конти-

⁵⁸ Frank. 1998. P. 28.

⁵⁹ Ibid. P. 5.

ментальные торговые связи Азии⁶⁰. Европейцы смогли интегрироваться в Азиатский мир только при помощи американского золота и серебра, которые тратили на покупку промышленных товаров: тканей, металлических изделий, фарфора, пряностей, красок. По выражению Франка, Европа купила себе на американское золото место в азиатском поезде прогресса⁶¹. Важным источником финансовых ресурсов Запада были займы, предоставляемые европейским купцам в восточных странах, прежде всего в Японии, являвшейся во второй половине XVI в. главным мировым производителем серебра и меди, а также в Индии и арабском мире. Такое положение сохранялось вплоть до XIX в., когда вследствие успешного развития мирового технологического прогресса и масштабного кризиса экономики стран Востока Запад смог начать собственную торговую экспансию. Однако с середины XX в. положение вновь начинает меняться в пользу стран Востока, прежде всего Японии и Китая.

В книге А.Г. Франка довольно много «экстремистских» высказываний и ассоциаций, направленных против самоидентификации определенных народов, которую он намеренно стремится обесценить, вытеснив их в фон. Так, он ставил европейцев на одну доску с монголами, считая, что их сближает полумаргинальная и периферийная позиция в мире, маниакальное стремление внедриться в центральные, «ядерные» зоны (в Центральную и Восточную Азию). Ряд исследователей, на труды которых опирался Франк, в частности П. О'Брайен и П. Бэрк, критиковали этот подход, указывая, что экономический рост Европы шел все же в основном за счет внутренних ресурсов и возможностей, созданных особенностями ее политического строя и культурного развития⁶². Франк как бы не замечает возрастающей роли, которую Европа играла в мировом технологическом развитии, тесно связанной с ее полицентричностью, специфическим отношением к власти, собственности, культуре, религии. Недаром историограф макроистории П. Мэннинг считает самой слабой составляющей глобальной истории и особенно теории Франка о господстве Востока в мировой торговле до конца XVIII в. – верификацию ее утверждений, многие из которых только постулируются. Главная причина этого – неэксплицированность предпосылочного знания, стихийность и неосознанность выбора предмета и перспективы исследования⁶³.

* * *

Анализ форм исторической памяти и самоидентификации позволяет сделать вывод о том, что неустойчивость ранних форм глобальной истории связана с конфликтным характером ситуации деколонизации 1960-х гг., естественным ответом на которую в условиях доминирования зави-

⁶⁰ Ibid. P. 123-127.

⁶¹ Ibid. P. 277-278.

⁶² Ibid. P. 226.

⁶³ Manning 2003. P. 298-314, особ. P. 311.

симого сознания были господство соревновательной памяти, конструирование одновекторной контр-памяти и ресентиментная форма самоидентификации, которые создали предпосылки для инверсии европоцентристской модели истории и, тем самым, для воспроизводства в той или иной форме центрированной модели макроистории. Постколониальная критика питалась отвращением к колониализму, стремилась сконструировать самоидентификацию постколониального мира в значительной степени за счет периферизации образа Запада, выведения его в *фон*. Ранние формы глобальной истории способствовали этому стремлению, что ослабляло их, делало теоретически противоречивыми, ставило под удар критики. В этих условиях движение прочь от европоцентризма становилось все менее последовательным, приобретало маятниковую составляющую.

К тому же образ новой макроистории оставался в значительной мере нормативным и упрощенным. Он базировался на идеологизированных предпосылках, которые выступали как нормативные теоретические подходы, считавшиеся заведомо адекватными данной проблемной ситуации, что позволяло избегать анализа последней и сложных, ситуативных решений. Стремление к децентрализованности ментальных карт макроистории оставалось в 1990-х гг. чаще всего на уровне благих пожеланий. В результате выдвинутый еще Э. Эриксоном проект универсальной самоидентификации оказался нереализованным, наступление постколониальной критики и ее антизападные высказывания стали интерпретироваться на Западе как направленные не против колониализма, а против гуманистических идеалов, как подавляющие и разрушающие западную идентичность. У части историков и социологов возникло ресентиментное отношение к постколониальной критике, что способствовало отходу от ранних вариантов глобальной истории и актуализации неоимперской идеологии.

Исследования по глобальной и транснациональной истории развивались параллельно с анализом и частичным изживанием этих тенденций: 1) со становлением многовекторной исторической памяти, в которой М. Ротберг видит основу для мультиперспективизации и универсализации контекста травмирующего исторического опыта, что позволяет избежать его разрушающего влияния на историческую память⁶⁴; 2) с критикой М. Вернером и Б. Циммерманн нормативных моделей предпосылочного знания и выдвиганием проекта перекрестной истории, ориентированной на ситуативную адаптацию культурных компетенций и различных идентификаций историка к задачам анализа исторического материала⁶⁵; 3) с вызреванием идеала децентрализованного исторического знания, с которым Д. Заксенмайер связывает перспективы развития глобальной истории в ее основных центрах: США, Германии и Китае⁶⁶.

⁶⁴ Rothberg 2009.

⁶⁵ Вернер, Циммерманн 2007.

⁶⁶ Sachsenmaier. 2011.

Однако этот теоретический потенциал все еще остается в значительной степени невостребованным в условиях господства тенденции к *реформализации* с ее преклонением перед истэблшментом, особенно когда эти тенденции подкрепляет опыт Европейского сообщества, с одной стороны, и недееспособных, «несостоявшихся» государств Африки — с другой. Продолжается маятниковое движение прочь от постколониального идеала. Правда, эта тенденция также не бесконечна. Глобализация мира и транснационализация человеческой деятельности, расширяющееся практическое применение новых теоретических подходов создают условия для размывания старых идентичностей, становления новых форм исторической памяти и создания прочного фундамента для дальнейшего развития глобальной истории⁶⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 101 с.
- Бьюзен Т., Бьюзен Б. Интеллект-карты. Практическое руководство / Пер. с англ. Е.А. Самсонова. Минск: Поппури, 2010. 352 с.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
- Васильев А.Г. Современные *memory studies* и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. 800 с.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 320 с.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл, Издательский центр «Academia», 2006. Т. 1. 448 с. Т. 2. 432 с.
- Верн Ж. Дети капитана Гранта // Верн Ж. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 643 с.
- Вернер М. Циммерманн Б. После компаратива: Histoire croisée и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59-90.
- Деррида Ж. Позиции. Беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта / Пер. с франц. В.В. Бибахина. М.: Академический проект, 2007. 160 с.
- Замятин Д.Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 13-26; № 2. С. 14-24.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 138-153.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 123-140.
- Ионов И.Н. Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. 2007а. № 2. С. 79-121.
- Ионов И.Н. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 89-102.

⁶⁷ Tarrow 2005.

- Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 18-29.
- Ионов, И. Н. Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма: попытка осмысления опыта Мишеля Фуко // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 60-80.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука. 2007b. 499 с.
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
- Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2003. 256 с.
- Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение / Пер. с нем. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 830 с.
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 19-46.
- Саид Э.В. Культура и империализм / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир даль, 2012. 734 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Русский Мир, 2006. 638 с.
- Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки / Пер. с исп. Ю.Н. Гирина. М.: Прогресс, 1984. 342 с.
- Холушкин Ю.П., Витяев Е.Е., Костин В.Е. Задачи археологии и методы их решения. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 97 с.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. 2 издание. М.: Смысл, 1997. 505 с.
- Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис / Пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Abdel Malek A. Orientalism in Crisis // Diogenes. Vol. 44. Winter 1963. P. 107-112.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 331 p.
- Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. New York: Humanities Press, 1996. 248 p.
- Elias N., Scotson J. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry Into Community Problems Theory, Culture & Society. London: Sage Publications, Inc. 1994. 197 p.
- Fanon F. Black Skin, White Masks. London: Pluto Press, 2008. 186 p.
- Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1998. 416 p.
- Lyubansky M., Eidelson R.J. Revisiting Du Bois: the Relationship Between African American Double Consciousness and Beliefs About Racial and National Group Experiences // Journal of Black Psychology. February 2005. Vol. 31. № 1. P. 3-26.
- Manning P. Navigating World History. Historians Create a Global Past. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 425 p.
- Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 379 p.
- Sachsenmaier D. Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- Tarrow S. The New Transnational Activism. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 2005. 258 p.
- Wouters C. Informalisation: Manners and Emotions since 1890. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University Of Chicago Press, 2004. 180 p.

REFERENCES

- Assmann YA. Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v visokih kulturah drevnosti / Per. s nem. M.SM. Sokolskoy. M.: YAZiki slavyanskoj kulturi, 2004. 368 s.
- Abdel Malek A. Orientalism in Crisis // Diogenes. Vol. 44. Winter 1963. P. 107-112.
- Barancev R.G. Stanovlenie trinitarnogo mishleniya. M.; Izhevsk: NIC Regul'yarnaya i haoticheskaya dinamika, 2005. 101 s.
- Byuzen T., Byuzen B. Intellekt-karti. Prakticheskoe rukovodstvo / Per. s angl. E.A. Samsonova. Minsk: Poppuri, 2010. 352 s.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 331 p.
- Derrida ZH. Pozicii. Besedi s Anri Ransom, YUliey Kristevoy, ZHANom-Lui Udbinom, Gi Skarpetta / Per. s franc. V.V. Bibihina. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 160 s.
- Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. New York: Humanities Press, 1996. 248 p.
- Elias N., Scotson J. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry Into Community Problems Theory, Culture & Society. London: Sage Publications, Inc. 1994. 197 p.
- Erikson E. Identichnost: YUnost i krizis / Per. s angl. A.V. Tolstih. M.: Progress, 1996. 344 s.
- Fanon F. Black Skin, White Masks. London: Pluto Press, 2008. 186 p.
- Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1998. 416 p.
- Holyushkin YU.P., Vityaev E.E., Kostin V.E. Zadachi arheologii i metodi ih resheniya. Novosibirsk: Manuscript, 2013. 97 s.
- Ionov I.N. Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemi vzaimodeystviya / Otv. red. L.P. Repina. M.: Nauka. 2007^b. 499 s.
- Ionov I.N. Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii. Statya 3 // Obschestvennie nauki i sovremennost. 2013. no 5. S. 138-153.
- Ionov I.N. Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii. Statya 4 // Obschestvennie nauki i sovremennost. 2014. no 6. S. 123-140.
- Ionov I.N. Identifikacionnaya, kommunikativnaya i kognitivnaya sostavlyayushchie civilizacionnih predstavleniy // Istoriya i sovremennost. 2007^a. no 2. S. 79-121.
- Ionov I.N. Krizis istoricheskogo soznaniya v Rossii i puti ego preodoleniya // Obschestvennie nauki i sovremennost. 1994. no 6. S. 89-102.
- Ionov I.N. Osnovnie napravleniya i metodologiya globalnoy istorii // Novaya i noveyshaya istoriya. 2003. no 1. S. 18-29.
- Ionov, I.N. Sudba generaliziruyuschego podhoda k istorii v epohu poststrukturalizma: popitka osmysleniya opita Mishelya Fuko // Odissey. CHelovek v istorii. 1996. M.: Coda, 1996. S. 60-80.
- Koposov N.E. Kak dumayut istoriki. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 326 s.
- Kristeva YU. Sili uzhasa: esse ob otvrashchenii. Harkov: F-Press, HCGI; SPb.: Aleteyya, 2003. 256 s.
- Lyubansky M., Eidelson R.J. Revisiting Du Bois: the Relationship Between African American Double Consciousness and Beliefs About Racial and National Group Experiences // Journal of Black Psychology. February 2005. Vol. 31. no 1. P. 3-26.
- Manning P. Navigating World History. Historians Create a Global Past. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 425 p.
- Nietzsche F. K genealogii morali. Polemicheskoe sochinenie / Per. s nem. K.A. Svasyana // Nietzsche F. Sochineniya v dvuh tomah. T. 2 M.: Misl, 1990. 830 s.
- Repina L.P. Pamyat i istoriopisanie // Istoriya i pamyat / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug, 2006. S. 19-46.
- Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 379 p.

- Sachsenmaier D. *Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World*. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- Said E.V. *Kultura i imperialism / Per. s angl. A.V. Govorunova*. SPb.: Vladimir Dal, 2012. 734 s.
- Said E.V. *Orientalizm. Zapadnie koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova*. SPb.: Russkiy Mir, 2006. 638 s.
- Sea L. *Filosofiya amerikanskoj istorii. Sudbi Latinskoy Ameriki / Per. s isp. YU.N. Girina*. M.: Progress, 1984. 342 s.
- SHkuratov V.A. *Istoricheskaya psihologiya*. 2 izdanie. M.: Smisl, 1997. 505 s.
- Tarrow S. *The New Transnational Activism*. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 2005. 258 p.
- Vasilev A.G. *Sovremennye memory studies i transformaciya klassicheskogo naslediya // Dialogi so vremenem: pamyat o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoy*. M.: Krug, 2008. 800 s.
- Velichkovskiy B.M. *Kognitivnaya nauka. Osnovi psihologii poznaniya*. V 2 t. M.: Smisl, Izdatelskiy centr Academia, 2006. T. 1. 448 s. T. 2. 432 s.
- Vern ZH. *Deti kapitana Granta // Vern ZH. Sobranie sochineniy v 12 t. T. 3*. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoy literaturi, 1955. 643 s.
- Wallerstein I. *Mirosistemnyi analiz: vvedenie*. M.: Territoriya buduschego, 2006. 248 s.
- Watzlawick P., Bivin Dzh., Dzhekson D. *Pragmatika chelovecheskih kommunikaciy. Izuchenie patternov, patologiy i paradoksov vzaimodeystviya / Per. s angl. A. Suvorovoy*. M.: Aprel-Press, EKSMO-Press, 2000. 320 s.
- Werner M. Zimmermann B. *Posle komparativa: Histoire croise i vizov reflektivnosti // Ab Imperio*. 2007. no 2. C. 59-90.
- Wouters C. *Informalisation: Manners and Emotions since 1890*. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Zamyatin D.N. *Lokalnie mifi: modern i geograficheskoe vobrazhenie // Observatoriya kulturi*. 2009. no 1. S. 1326; no 2. S. 1424.
- Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University Of Chicago Press, 2004. 180 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; *cih@igh.ru*.

Problems of Contemporary Macrohistory

Article 2. Memory, Identification and Premised Knowledge

The article continues the analysis of development of macrohistory in 1990–2010 begun in Vol. 50 of the journal. Evolution of macrohistory moving from the union with post-colonial criticism to a neoimperial and eurocentric discourse is discussed from the point of view of limited opportunities of binary models of historical memory, conflict forms of self-identification and their consequences. The study demonstrates negative features of post-colonial criticism and early forms of global history which are pulling together them with a binary Gestalt of General history. The author points to opportunities for further development of global history given by new forms of multidirectional historical memory, universal self-identification, situational premised knowledge, the decentered macrohistory.

Keywords: global history, historical memory, the aligned history, dependent consciousness, negative identity, re-sentiment, mental maps, Gestalt, premised knowledge.

Igor Ionov, PhD (History), senior research associate of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; *cih@igh.ras.ru*.